Было время, что играли
Здесь под тенью мы густой, —
Вы цветете... мы увяли!
Дайте старости покой.

Сочин. г-на Дмитриева.[17]

Кратко сказать: стансами называть можно все наши 10-ти и 8-мистрочные куплеты, легко и плавно писанные, которые не имеют в себе ни восторгов, ни парения.

Песня. — Пение родилось вместе с человеком. — Прежде нежели лепетал, издавал он гласы, а в возрасте страсти почти каждая нашла свой особый голос. Отсюда происходят песни. — Это уже сказано в самом начале сего лирического рассуждения. Российские старинные песни разделяются на три рода: на протяжные, плясовые и средние. — О характере, мелодии и сходстве их с древними греческими видно в предисловии покойного тайного советника и кавалера Львова, при книге, изданной им в 1790 году, о русском народном пении, где всякого содержания собранные песни старанием его положены на ноты придворным капельмейстером Прачем.* Здесь скажем нечто о их стихотворении; оно просто, ближе к природе, нежели к искусству; отличается, большею частию в началах песен, едва ли не от всех иностранных, отрицательными сравнениями и сокращенными прилагательными именами, как-то: «не ясен сокол по поднебесью», «черн ворон» вместо «черный», что придает ему некоторую особенную, загадоч-

* Жаль только, что сей сочинитель музыки все наши старинные песни разделил на равные такты. Сие русскому слуху нетерпимо, наипаче в протяжных песнях, которые почти суть все вообще речитативы, по подобию греческой древней музыкальной поэзии. От сего-то в устах русского мужика, поющего сии песни не по такту, а с временною вытяжкою многих слогов, они чувствительнее, нежели как можно петь их по нотам Прачевым. Тактовая музыка, как и равностопная европейская поэзия, утомительны своим единообразием; а разнообразием в греческой и латинской поэзии удобнее изображаются и страсти и действии различные. Например: европейская равностопная поэзия никак не может выразить трудности работы циклопов, кующих молотами, как выразил Виргилий:

Illi in / ter se / se mu / lta vi / brachia / tollunt.

Тредьяковской перевел этот стих таким образом:

Там ковачи с крехтеньем млаты возводят, низводят.

Подобно и наши церковные стихи, по образу древней греческой музыки, не имеют тактов; но когда поет их искусный певец, с вытяжкою всех оттенок, или разгласов голоса, а иногда с речитативным ускорением, или говором, то что может (быть) умилительнее сего пения? Тут видна точная греческая древняя музыка, сопровождавшая Тимофея, или истинные чувства сердца и действии природы; но заключим все примечание тем, что некто Матвей Гутри, заимствуя от Львова, написал и напечатал на французском языке рассуждение о русских песнях, сказав, что взял оное от Прача; а как сей Прач совсем не знал русского языка и не мог разуметь ни характера, ни красот тех песен, а клал только слова на ноты по объявлению Львова, — то из сего только то может нам служить к замечанию, как господа иностранцы и в самых безделицах затмевают везде способность и славу русских.